

НЕ МОГУ понять, почему этот камерный, нешумный спектакль не выходит из ума.

Я часто хожу в театры, стараюсь увидеть все, что ставится на сценах, и вижу спектакли шумные и впечатляющие. Но этот, тихий, вошел в мозг и душу как-то по-своему и вызвал желание написать о нем хотя бы только для того, чтобы для самого себя понять силу его воздействия. Речь идет о постановке пьесы драматурга Александра Ремеза «Путь» на Малой сцене МХАТа.

Комната семьи Ульяновых в Симбирске. Я часто бывал в Ульяновске и всегда посещал дом, в котором эта комната. Нет, на сцене не копия, не натуралистический слепок. На сцене дух той комнаты. Ее тепло, ее интеллигентность. И первое мое ощущение: как мне хочется встать со своего зрительского места и войти в эту комнату, посидеть за общим обеденным столом, где через минуту соберется вся семья Ульяновых. Там так хорошо! Все дышит счастьем и теплом старой крепкой семьи. И даже

и битва умов. Сражение есть, но оно пропущено через сердца людские. Может быть, именно оттого так горячо воспринял я спектакль. Лично моя театральная вера: язык театра — язык чувств, и превращать театр в место для словопрений вряд ли стоит, лучше просто устраивать диспуты.

Судьба Александра Ульянова мне была достаточно известна еще, как говорится, со школьной скамьи. Но понял я ее именно на спектакле «Путь». Станиславский говорил: понять — значит почувствовать. Мудрейшее изречение! Я прожил то, что чувствовали отец, мать, брат, сестры Ульяновы в той трагической ситуации. И я прочувствовал

рачную жизнь я заметил такое явление в актерских судьбах. Начинает молодой актер хорошо, даже ярко. Потом он упорно и честно набирает силу. Наконец актер обрел себя, говоря современным языком — реализовался. Он уже и звание получил, даже высокое звание. И заслуженно. И тут возникает тупиковая ситуация. Характер человека — носителя таланта — не выдерживает дальнейшей своей судьбы. Тут-то он и начинает демонстрировать свой талант, тут-то он и гарцует во все тяжкие. Сохранить себя в искусстве, то есть работать над собой, работать и работать — удел редких личностей. Слышал я когда-то или читал, что

реходящий в юношеский возраст. Его путь, его свершения еще впереди. «Мы пойдем другим путем», — он скажет позднее. Но как хороша и эта роль! Просто диву даешься, как молодой актер Леонид Каюров схватил уже формирующиеся черты того Ленина, которого мы будем знать по портретам, хроникальным фильмам, художественным картинкам и спектаклям. Как верен знакомый наклон головы набок и острый взгляд этого человека. Уже утверждается жест закладывания рук назад с упором в поясницу ладонями, намечается и стремительная походка, склонность к полемике и бескомпромиссность. Все это еще мягко, по-детски не терпеливо. Тонкая, глубокая работа проделана Каюровым. И уже известный и давно прекрасный актер Юрий Богатырев (в этом ансамбле он, сам еще молодой, является представителем старшего поколения) играет с той же мягкостью, трепетом и точностью, как и молодые.

Маленький зал с серым сукном, устилающим пол, — как в старом МХАТе в Камергерском переулке! — располагает к поведению осторожному, деликатному.

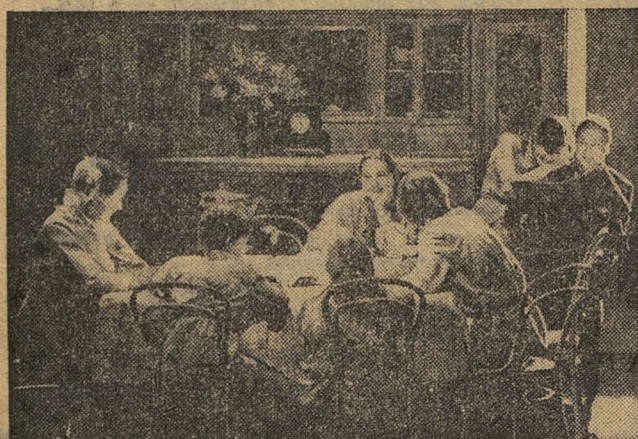
Как театральный человек, я понимаю роль и заслугу во всем этом дипломника ГИТИСа режиссера В. Саркисова. Я вообще замечаю, что молодое серьезное поколение, идущее в сферу искусства, особо озабочено художественной стороной своего труда. Это так важно для всего нашего советского театра и драматургии! И хотя в постановке чувствуется рука А. Васильева, режиссера уже вполне известного, являющегося руководителем этой постановки, но рука эта бережная, не подавляющая чужие желания. Так, во всяком случае, чудится мне. И я верю, что это вполне самостоятельная работа В. Саркисова.

Какой поток мыслей вызывает финал пьесы, когда на пустом столе возникает домик Ульяновых, когда-то склеенный детьми из картона, домик их детства, освещенный ярким солнечным светом (кстати замечу: прекрасная световая партитура постановки!), а все, кто жил там, вся семья Ульяновых, плотно, по-родному сгруппировавшись с одной стороны, смотрит на этот домик из своего уже далека с такой любовью и нежностью! Эти чувства ощущаю и я, зритель.

Радость, которую я испытал на этом спектакле, просто делает unnecessary сказать слова благодарности участникам спектакля, порадоваться тому, что наше театральное искусство живет, развивается и надежды, которые я, да и многие другие возлагали и возлагаем на малые сцены, начинают оправдываться.

ДОМ УЛЬЯНОВЫХ

Виктор РОЗОВ

Сцена из спектакля.

Фото В. БОГДАНОВА

дети — а я не люблю детей на сцене, — маленькие Митя и Оля живут в этой семье как-то неотъемлемо и естественно. Кажется, что и они — дети-исполнители — тоже счастливы. Но это, наверное, сделано нарочно. Скоро, очень скоро в этом доме повеют бурные и даже жестокие ветры и сметут и букет сирени с буфета, и скатерть со стола. Автор, как и положено драматургу, выбрал ситуацию напряженную и ни на минуту не ослабил ее.

Молодой сын Ульяновых Александр выбрал свою дорогу. В отличие от отца, который в юности стал на путь просветительства, Александр как натура глубокая, но более динамичная, как человек своего времени, как юноша, убедившийся, что помыслы отца не привели к желаемым результатам, выбирает путь индивидуального террора. Опасный путь! И нам, живущим ныне, известно, что путь этот был обречен историей на неудачу. Умные, чуткие отец и мать чувствуют опасность и неверность выбора Александра. Но тот застегнут от них наглухо. Как драматично и в то же время умно и нежно ведет свой долгий разговор отец с сыном! Но когда, в какие времена дети слушались родителей!

Нет, в пьесе и спектакле не просто идейные расхождения

короткую жизнь Александра. Только очень холодное сердце или сердце, угнетенное изощренным, пусть и большим, умом, не затрепещет при виде сцены посещения матерью сына в тюрьме.

Еще и еще раз я убедился в том, что судьба пьесы зависит от ее реализации на сцене. Как много приходится видеть спектаклей, где в очи тебе лезет или режиссер, старющийся выразить себя и подавляющий всех и вся, в том числе и смысл вещи. Или знаменитый актер, не живущий жизнью персонажа, жизнью других действующих лиц, а демонстрирующий свое дарование или даже талант. Как часто видишь на сцене зазывные жесты, белозубые улыбки, игристую и сверкающую глаз — и все это некстати, не к смыслу. В таких спектаклях сцена превращается в арену, где каждый хочет победить: режиссер — актеров, актеры — режиссера, художник тоже кричит о себе. И все в этой борьбе забывают, о чем идет речь.

Спектакль «Путь» гармоничен. Каждый помогает другому. И все живут тем смыслом, ради которого и вышли на сцену. Актерская игра восхитительна! Во всяком случае, всех главнейших и главных исполнителей. За свою теат-

великий японский художник Хокусай на девяностом году жизни сказал: теперь я начинаю понимать, как надо рисовать. Увы, многие прославленные актеры уже давно узнали, как надо играть.

То, что в спектакле «Путь» заняты молодые актеры, еще не испорченные ни кинематографом, ни телевидением, ни обильными ласками, позволяет их дарованиям сверкать в девственной чистоте.

Александра играет Дмитрий Брусникин, студент школы-студии МХАТа. Актер думающий, эмоциональный, нервный. Все видит, все понимает, со всеми в точных отношениях. Как его Александр тверд в своем тайном упорстве перед отцом, как строг со своим младшим братом Володи, как любит мать и как иступленно предан своей идее! В ушах у меня до сих пор его вскрик «Мама!», когда Мария Александровна пришла в камеру приговоренного к смерти сына. В этом порыве еще столько детского, сердечного, столько тепла и желания жить! И тут же упорство, жесткий, все подавляющий отказ писать прошение царю о помиловании. Долг и чувство. Старое и вечное условие трагедии и драмы. И именно это испытание на разрыв актер Брусникин проводит с подлинной истинной страстью. Настоящее! Просто все настоящее!

Да ему и легко, актеру Брусникину. Он же видит глаза матери — актрисы Ирины Акуловой, он же слышит мученические интонации в ее голосе, он же всеми клетками родного, рожденного ею тела понимает ее страдания. Сильная эта сцена! Я рад за актрису Акулову. Думаю, ей и самой радостно играть в этом спектакле, воплотить свой чувств горячих, сильных, даже иступленных. И все без надрыда, без актерской истеричности. Только согласно характеру этой сильной, истстрадавшейся женщины.

Володя Ульянов в этой пьесе не занимает главной роли — он еще только подросток, пе-